

Раушан

Байгужаева

ТАЛИСМАН

Отшумели студенческие годы. Остались позади насыщенные будни, семейные, курсовые, экзамены, каникулы, практики. Общежитские обеды жидким чаем и бутербродами с молочной колбасой. Стрижка за рубль и маникюр за сорок пять копеек. Томление по Старшекурснику и танцы до упаду на институтских вечерах. Коллективный просмотр в фойе общежития премьеры «Иронии судьбы», положившей начало многолетнему триумфальному шествию этого детища Рязанова по новогодним экранам страны. И, наконец, синенький прямоугольник диплома, в котором мне больше всего нравился вкладыш с общим баллом «четыре с половиной» – предмет моей гордости, поскольку это был достаточно высокий балл для дамы с техническим образованием.

Где-то прочитала: «Умейте расставаться с прошлым, как змея расстается со своей шкурой». Когда все кончилось, я поняла, что не умею. Слишком много было в прошлом длиной в пять студенческих лет звонкой энергии молодости, захватывающих чувств, выстраданных побед, убийственных поражений. Но самое главное – велика была жажда ученичества, ее с лихвой хватило бы еще на два института, тем более что приобретенная профессия «инженер-электрик» звучала странно и даже дико, словно не имела ко мне никакого отношения. Как если бы я, будучи в некоем не-вменяемом состоянии, переспала с чужим человеком, а позже обнаружила, что беременна. Замечу к слову, что такая завязка нередко используется создателями современных сериалов, ибо является богатейшей почвой для развития сюжета.

Итак, я была «беременна от немилого» и чувствовала себя примерно так же, как любая девушка в подобном положении. Отличие было лишь в том, что замуж мне было идти не за кого. Но «дитя» приходилось рожать, а именно, ехать по распределению и отрабатывать вложенные в меня знания, усилия и средства.

Направление я получила в свою область, в систему профтехобразования. Мы с отцом съездили в областной центр и с невероятными потугами добились открепления в свой район, поскольку моя работа в далеком райцентре под Джембулом не прельщала ни меня, ни моих родителей. Дальше, по разработанному папой плану, я открепилась и от сельскохозяйственного профтехучилища, где мне предстояло работать. Принимавший нас с мамой замдиректора училища долго сопротивлялся, ссылаясь на нарушение закона. Наконец с тяжелым вздохом он перенаправил меня в совхоз-техникум в село Ыргайлы в нашем же районе. Родители мои торжествовали. Они добились, чего хотели: дочь будет в какой-то

сотне километров от дома, к тому же преподавать не в училище, а в техникуме, чей статус считался почти на порядок выше.

Мне же было совершенно все равно, ибо пустота в моем сердце и предчувствие беспросветного будущего не покидали меня с того самого момента, когда я получила диплом.

Директор техникума, смуглый сорокалетний мужчина с лицом опального интеллигента, скорбно сообщил, что часов по моему предмету – теоретическим основам электротехники – нет, и он вынужден предложить мне черчение и основы начертательной геометрии, кои имели к моей профессии лишь косвенное отношение. Эта весть заставила меня встрепенуться и скинуть с себя сковывавший все тело анабиоз. Дело в том, что из всех предметов институтской программы я не любила именно ТОЭ, а уж преподавать его мне казалось делом каторжным, равным по тяжести и безнадежности разве что выпрямлению Пизанской башни. Не мешкая, я согласилась на предложение директора. Слегка ошарашенный моей податливостью, он тут же выделил мне однокомнатную квартиру в пятиэтажном доме преподавателей в пяти минутах ходьбы от работы.

Село оказалось довольно симпатичным, в меру зеленым, а новое здание техникума стояло у самого въезда в него. Неистребимая жажда доходить «до самой сути» заставила меня вызнать, что «Ыргай» в переводе с казахского означает «кизильник». Большая советская энциклопедия в техникумовской библиотеке услужливо сообщила, что кизильник – это «род неколючих кустарников семейства Розовых, произрастает в Евразии и Северной Африке». Однако, как выяснилось, в самом селе не было и намек на этот кустарник с красными плодами.

– Зачем ты себе голову морочишь? – спросила библиотекарь тетя Кабыш. – Пойдем лучше к нам, я сейчас манты буду делать.

Здесь мне следует представить эту особу, ибо она была самой главной достопримечательностью Ыргайлы. Во всяком случае, для меня. Мое знакомство с ней произошло еще в детском саду, где тетя Кабыш работала заведующей. А муж ее, дядя Жарас, возглавлял наш сельский партком. Теперь они жили в Ыргайлы, и тетя Кабыш сменила важный чин заведующей детсадом на скромную работу библиотекаря. Дядя Жарас также спустился по ступеням карьерной лестницы, удовольствовавшись преподаванием истории недорослям со всего района.

Они жили в том же доме преподавателей в четырехкомнатной квартире с голыми стенами. Из мебели смутно припоминаются лишь расшатанный сервант, облезлый диван и стол с разномастными стульями. Да еще скрипучие кровати с провисшими сетками. Отдавая меня на поруки тети Кабыш, мама, потрясенная убожеством убранства, в какую-то минуту, кажется, усомнилась в своем выборе. Но неожиданно богатый обед с рассыпчатым пловом, который венчали крупные куски сочной баранины, с острым салатом из помидор, тремя видами варенья, янтарным медом и набором сухофруктов рассеял ее сомнения. Да, в этом доме был настоящий культ еды. Ашимовы могли ходить в скромной ширпотребовской одежде, спать на солдатских кроватях, но кушали они по-царски.

В моем детсадовском прошлом я побаивалась огромной фигуры тети Кабыш в извечном вельветовом платье вишневого цвета. Особенно пугали ее низкий властный голос и словно созданные для погон прямые генеральские плечи. Когда она появлялась в воротах детсада, уборщица тетя Ирма неслась в туалет выливать застоявшееся содержимое горшков, а повариха баба Васёна выкладывала на

столик под яблонькой свои румяные пышки и ставила стакан с ячменным кофе. Тетя Кабыш грузно усаживалась за столик и, обмахиваясь вафельным полотенцем, с аппетитом принималась за угощение. Перекусив, она начинала обход своих владений, делая всему персоналу замечания своим зычным голосом. Теперь же бывшая заведующая осела, формы ее округлились, а из голоса, видимо, за ненадобностью, ушла властность.

После отъезда мамы тетя Кабыш показала мне семейный альбом. С первой же страницы его на меня взглянула милостивая девушка в суконном пальто с каракулевым воротником и таком же берете. Хозяйка вынула фото и перевернула. «На вечную память подруге Розе от Рахимовой Хабибы, г. Ленинград», – было написано там, и стояла дата.

– А кто такая Хабиба?

– Как кто? Так я же! Когда студенткой была, в Институте культуры.

– Вы?! – вытаращила я глаза. – Вас же Кабыш зовут...

– Э-э, да это казахи меня так прозвали, – махнула она рукой. – Я же узбечка, из Джамбула. Там много узбеков.

Ах, вот откуда эти длинные, почти сросшиеся брови и вкусный плов с зирой! Я с детства любила волшебные сказки, и это превращение тети Кабыш в Хабибу, которую воспел в веселой песне знаменитый тенор Батыр Закиров, было настоящим чудом. Сияя от изумления, я снова посмотрела на фотографию.

– А почему вы не отдали ее подружке?

– Отдала, а потом снова забрала, – сказала Кабыш-Хабиба и водрузила фото на место, – поругались мы с ней.

– Из-за чего? – любопытству моему не было предела.

Тетя Кабыш покосилась на дверь, за которой ее муж готовился к началу учебного года:

– Потом расскажу...

Моя однокомнатная квартира находилась на четвертом этаже, окнами на унылый пустырь. В комнате стояла железная кровать, на ней лежал полосатый матрас с подозрительными пятнами. Мебель в крошечной кухоньке состояла из старого стола, двух табуреток и некогда голубой тумбочки. А та часть, которая представляет удобства многоэтажного дома, вызывала лишь печальные вздохи.

– Ничего, окна-полы помоешь, и можно жить, – похлопала меня по плечу тетя Кабыш. – А купаться мы с тобой будем ходить в центральную баню... Зато одна, никто над душой не висит, не то что у меня.

У нее и вправду над душой стояли, висели и лежали сразу четверо: муж и трое детей.

Я сходила в хозмаг и принесла оттуда три банки с красками – голубой, белой и розовой. Других цветов не оказалось. Панели в кухне я выкрасила голубой краской, а поверху пустила гулять белые и розовые ромашки.

– Хорошо! Как в детском саду, – сказала тетя Кабыш с ностальгической ноткой в голосе.

Потом я съездила в райцентр и привезла оттуда ткань для комнатного окна. После почти часового метания между невзрачными образцами портьерных тканей я остановила выбор на обычном ситце. Отложив покупку гардин на потом, быстро сшила занавески и повесила их на шнурке, воспользовавшись старыми гвоздями на стенах.

На паутине из красных линий то там, то здесь выступали черные скелетики чахлах деревьев. Комнату залил матовый красноватый свет.

– Как в доме терпимости, – неодобрительно заметила тетя Кабыш.

– Откуда вы знаете?! – вызывающе спросила я, задетая сравнением.

– В какой-то книге читала, – ответила она просто. – Там на стенах клеили красные обои, потому что красный цвет разжигает страсть. – И тут же добавила, потирая руки: – Ну ладно, айда к нам, новоселье твое отметим. А то дядька Жарас твой поди уже кругами вокруг бутылки ходит.

Дядя Жарас был приземистым кряжистым добряком. Жена возвышалась над ним на полголовы, но это его ничуть не волновало. В волнение дядю Жараса приводило другое – появление на столе «Столичной». Обычно бесстрастный и отсутствующий, точно всем существом ушедший в историю канувших в прошлое веков, при виде сверкающей боками бутылки он вмиг выныривал из дебрей столетий. Тонкие губы его раздвигались в улыбке, а глаза начинали сверкать и искриться, как антрациты. Тетя Кабыш относилась к слабости мужа снисходительно и, если находился повод, охотно угощала его сама.

Сложнее ей приходилось с детьми, особенно с дочерью. Выражаясь языком дяди Жараса, она находилась с ней в антагонистических отношениях. Малика ни во что не ставила мать и зубоскалила, награждая ее нелестными эпитетами. Иногда они даже дрались.

Старший сын Канат, угрюмый молчаливый парнишка, имел каких-то темных дружков, курил и быстро просаживал стипендию. С этими двумя тетя Кабыш постоянно воевала, а вот младшего, девятиклассника Алима, она любила. Казало бы, чему тут удивляться, ведь младших обычно любят и балуют. Но тут, я думаю, была и другая причина: узбекские корни в Алиме проявились ярче, чем в других детях. Я порой ловила себя на том, что люблюсь этим мальчиком. Он был довольно высок и хорошо сложен. Матовый цвет кожи, который я называю «арабским», уже познавший бритву подбородок с ямочкой, и по-мужски жгучий взгляд угольно-черных глаз из-под таких же срастающихся, как у матери, бровей. Но особенно красивыми в нем были руки. Будучи страстным едоком, Алим раз в неделю заказывал матери любимые манты. Мне нравилось смотреть, как он ест их. Его руки с нежным темным пушком выше запястий превращались в двух хищных птиц. Вздрогнув и растопырив пальцы-крылья, они поднимались над блюдом и начинали парить над ним. Потом пикировали на облюбованные толстобокие лакомства, цепляли и затаскивали в свою тарелку. Трижды проделав эту охоту, «птицы» успокаивались на мгновение, потом начинали кормить своего господина. Ел Алим много, но не жадно. В нем замечалась какая-то царственность, словно он был наследником султана от любимой наложницы. Малика же не видела всего этого и, презрительно сморщив нос, шипела: «Ууу, обжжора!», за что тут же получала оплеуху от матери.

Позже тетя Кабыш раскрыла мне истинную причину своей слабости к младшему сыну. Оказывается, он был похож на любовь ее молодости Саида, которого у нее отбила Розка, пока она училась в Ленинграде. Розка была завклубом, а Саид пел в самодеятельности. «Вот и спелись», – вздохнула тетя Кабыш. Теперь было понятно, почему она отобрала у вероломной подружки свою фотографию.

На выходных приехала мама на школьном грузовике. Она привезла одеяла, подушки и кое-что из посуды. Затем шофер притащил и бросил на пол узорчатый

ковер сырмак – одно из многих творений моей мамы-рукодельницы. Комната сразу преобразилась и обрела жилой вид.

В кабинете черчения, куда меня определили, я очутилась в обществе двух мужчин среднего возраста. К счастью, они оказались добрыми малыми, и мы быстро подружились. Хуже дело обстояло с преподаванием, особенно выпускникам восьмых классов. Большая часть их представляла собой вчерашних «трудных» учеников, от которых школа спешила избавиться, выдав им аттестаты о восьми-летнем образовании. Эти мальчишки смотрели на меня незамутненными мыслью глазами, и даже элементарные понятия черчения, вроде рамки и углового штампа, были для них чем-то экзотическим. Думаю, не менее экзотическим явлением была и молодая учительница в коротеньком платьице. Я не успела поменять гардероб, и первые дни мне приходилось носить свои студенческие наряды, вызывая неодобрительные взгляды начальства и нагловатые – студентов постарше. Компенсировать недостаток преподавательского вида я решила следующим образом. Нахмутив брови и сделав грозное выражение лица, громовым голосом я вбивала в головы учащихся азы черчения и начертательной геометрии. Тетя Кабыш как-то сказала с восхищением: «Ох, и орешь ты, девка! Даже у меня, на первом этаже, слышно. Вся в отца!» Отец мой, прирожденный учитель и директор школы, действительно, обладал могучими голосовыми данными. И не было ничего удивительного в том, что я унаследовала этот его дар. Однако, думалось мне, лучше бы этим голосом петь романсы, как некогда, чем выкрикивать правила построения проекций фигур на плоскостях.

Вскоре я купила себе пару строгих юбок и тройку скромных кофточек, но голову менять не стала, поскольку иначе мне было не справиться со своей паствой.

Работа библиотекаря не слишком обременяла тетю Кабыш, и она придумала, чем заняться на досуге.

– Тебя надо выдать замуж! – сказала она мне как-то, прищуриваясь и сводя брови в одну линию. – Как тебе Жангалиев из зооветеринарного отделения?

– Кто-о?! – вскричала я. – Он же черный, как австралийский абориген!

– Зато племянник директора!

Я яростно замотала головой.

– Правильно, – вздохнула библиотекаряша. – И правда, черный, будто его коптели! А этот, как его, инструктор с заочного отделения?

– Касымов, что ли? Да ну его, коротышка!

– Ну тогда, может, химик новый? Кудрявый!

– Фууу! Дохлак с ногами иксом! Он похож на мертвого барана.

Тетя Кабыш расхохоталась:

– Точно, вылитый мертвый баран с зелеными глазами!

Потом погрозила мне пальцем:

– А ты у нас капризная! Как бы лысый не достался.

Такие разговоры происходили довольно часто, но меня они не раздражали.

Это была просто игра, помогающая скрашивать серые будни. Моя бедная мама мечтала о том, что дочь ее построит семью с каким-нибудь коллегой, родит детей и будет жить обеспеченной жизнью неподалеку от родного дома. Она уже вдохновенно принялась стегать лоскутные одеяла для приданого. Откуда ей было знать, что дочь считает пребывание в Ырғайлы всего лишь временной ссылкой и лелеет мысль год спустя бежать в оставшийся за горами любимый город.

Лучшим способом скрасить скуку и скоротать время было бы – влюбиться. Неважно в кого. Но, увы, кандидатов не находилось.

Из всех мужчин техникума я считала достойным внимания лишь заведующего механическим отделением Габриеляна. Это был образец абсолютной красоты, от кончиков скульптурных пальцев до завитков иссиня-черных волос. Встретив его в коридоре техникума, я испытала настоящий эстетический шок. «Не ты первая, – сказала тетя Кабыш, – тут каждая студентка сохнет по нему, а некоторые даже мечтают в постель к нему прыгнуть. Бесплатно! Только жена его, Лилька, никого к мужу не подпустит». В постель прыгать к Габриеляну я не собиралась, но вот влюбиться очень даже могла, и никакая Лилька не помешала б. Однако изъян в этом умопомрачительно красивом армянине все же был: Габриелян говорил сильным голосом евнуха. Он мог быть хромым и весь в шрамах, как Жоффрей де Пейрак, но только не этот голос!

Все мои влюбленности имели сугубо платонические корни. Да, я тосковала по Старшекурснику, который тянул высоковольтные линии где-то в Восточном Казахстане. Любовь к нему была спрятанной в глубине сердца святыней и не мешала мне загружать остальное пространство мимолетными чувствами к другим мужчинам.

Между тем я познакомилась с молодой учительницей экономики. Вот кто в полной мере соответствовал статусу преподавателя! В ней все было продумано и благопристойно, от прически до обуви. Густые волнистые волосы всегда были аккуратно подстрижены и уложены, сшитые на заказ строгие костюмы сменялись безупречными платьями необходимой длины. По техникуму Гульнара не шла, а гордо несла свое упакованное в эти одеяния тело. И студенты расступались перед ней. Она никогда не повышала голоса, и ей подчинялись. А квартирка экономички в соседнем доме была просто уголком рая! Похожая на мою, как сестра-близняшка, в то же время она разительно отличалась от нее, как могут отличаться сестры с полярными судьбами.

Попивая ароматный индийский чай со сливками из японской фарфоровой чашки, я скользила взглядом по комнате, где стояли мягкий диван, комод с зеркалом и сервант с посудой. Под ногами лежал палас моих любимых бежево-коричневых тонов. На стене висела модная в те времена репродукция «Неизвестной» Крамского. Окна были занавешены белоснежным немецким тюлем, за которым просматривался силуэт фикуса. Все вещи сверкали чистотой и дышали умиротворением. Даже стеганый халат на хозяйке был какой-то особенный, с жемчужными пуговицами. В сияющем кафелем санузле с батареей шампуней, кремов и пен для ванны хотелось жить, а не только справлять нужды тела. В моей голове нечаянно мелькнуло слово «мещанка», но я быстро прогнала его, как бродячую собаку. Скорее всего, это был некий способ ума оправдать наш с тетей Кабыш убогий быт. Если не считать этой минутной слабости, все в Гульнаре и ее уютном гнездышке вызывало у меня лишь уважение и восторг. Девушке было уже двадцать пять, и она созрела для замужества, как осенний мускат для вина.

В начале ноября к нам в кабинет пожаловал новый преподаватель Ербол Батыров. Он был длинным, худым и несколько неряшливым. Под плохо проглаженными брюками угадывались кальсоны, а туфли томились по обувной щетке. Самой же неприглядной деталью его долговязой фигуры была маленькая голова. И ничего

ее не спасало: ни смазливые черты, ни щегольские усики. Во всяком случае, в моих глазах. Я считала, что голова, являющаяся вместилищем мозга, у мужчины должна быть крупной. Отсюда следовало, что некондиционная голова – признак слабого интеллекта. Моя теория не подвела: Батыров не блистал содержанием. Любимым его занятием на переменах было разгадывание кроссвордов, причем почти за каждым вторым словом он обращался к помощи любого, кто оказывался рядом. Словом, никакого интереса для меня новый коллега не представлял. Но тот думал иначе. С первых же дней Батыров повел себя уверенно, и уже через месяц постучался в мою дверь. Я приоткрыла ее и, увидев его, испугалась, думая, что напутала в расписании, и меня вызывают на урок. Со мной такое уже случалось.

– Это... – промямлил Ербол, вытягивая шею и пытаясь разглядеть пространство за моей спиной. – Пошли в кино сегодня?

– В кино? Какое кино? – не поняла я, продолжая держать его за дверью.

– Ну, в клуб. Привезли хороший фильм, «Народный роман».

Что-о?! Тот самый итальянский фильм, в котором, как говорили, есть эротические сцены? Это был один из тех редких фильмов, кои как бы ненароком залетали в кинопрокат того времени.

– Не пойду! – отрезала я, возмущенная до глубины души. – Мне надо к занятиям готовиться! – и захлопнула дверь перед носом незадачливого ухажера.

Тетя Кабыш не разделила моего возмущения.

– Зря ты с ним так. Он – парень неплохой. Брюки ему погладила б, и – все дела.

– Да-а?! Как вы любите все упрощать! А то, что он меня на сексуальный фильм пригласил, нормально, да?

– Господи! Да сколько тебе лет? Так и будешь всех разгонять?

– Да он... он просто дурак! – выпалила я. – Вы голову его видели?!

– А что у него с головой?

– Да она же маленькая! Сам длинный, а голова – вот такусенькая! – и я показала кулак.

– Выходи тогда за Садыка! – рассердилась тетя Кабыш.

– Какого Садыка?

– Который продукты в столовую возит! У него голова как казан, как раз то, что тебе нужно!

На другой день Батыров холодно поздоровался со мной. Этого следовало ожидать, но все же я была задета. Ребята второй группы пришли совершенно неподготовленными и вдобавок шумели так, будто сговорились свести меня с ума. Я устроила им разнос и чуть не сорвала голос. Обессиленная и растерзанная, решила пожаловаться куратору группы математику Берику Асанбаеву. Это был мужчина лет тридцати, с прямой осанкой и кавалеристскими ногами. В нем угадывались черты наших предков, лихо скакавших на лошадях, слившихся с ними и похожих на кентавров. Асанбаев, не перебивая и слегка прищурившись, слушал мою обличительную речь. И тут я увидела, что математик едва заметно улыбается. Я смешалась и почувствовала себя глупенькой девочкой. Захотелось спрятаться от этого усмешливого рентгеновского взгляда. Так мог смотреть Петруччио на Катарину или Ретт Батлер – на Скарлетт. «Примите, пожалуйста, меры», – пробормотала я, изо всех сил пытаясь выглядеть солидной. «Хорошо

Обязательно приму», – кивнул Асанбаев, не меняя выражения лица, и вышел из класса своей летящей походкой. После этого случая я решила больше не обращаться к нему, даже если мальчишки из второй группы сунут мне мышь за пазуху.

Было одно место в ставшем для меня тюрьмой техникуме, где я отходила от скуки. Это – библиотека на первом этаже. С благоговением входила я туда и, перебросившись парой фраз с тетей Кабыш, устремлялась к дальнему стеллажу с художественной литературой. «Возвышенное и земное» Дэвида Вэйса, «Прерванная идиллия» Элизы Ожешко, «Матильда» Леонгарда Франка. Эти романы отрывали меня от моей жалкой действительности и уносили в неизведанный, полный красок мир чужих судеб. Моя чувствительная, романтическая натура с готовностью и без труда сливалась с героями и бурно переживала все события их жизней. Роман Вэйса открыл для меня Моцарта-человека, который, будучи гениальным композитором, терпел лишения обычного смертного. А героини Ожешко и Франка заставили наслаждаться захватывающими высотами целомудренной любви. «Что это с тобой сегодня? – спрашивала тетя Кабыш. – Глаза горят, вся светишься. Неужели влюбилась?!» Да, я влюбилась! Потому что была в этот момент влюбленной в князя простой польской девушкой Кларой Выгрыч. А в другой раз – дочерью швейцарских гор Матильдой, сквозь годы пронесшей любовь к англичанину Уэстону. И несколько дней могла ходить в этом образе, с блуждающей на губах улыбкой, с сияющими глазами и звучащей внутри нежной музыкой без названия. В эти дни техникум не казался мне таким уж мрачным, а мои студенты – такими нерадивыми. Кажется, они тоже замечали во мне перемену и притихали, с удивлением переглядываясь друг с другом...

Зима выдалась малоснежная, но с пронизывающими холодами. Это была самая долгая зима в моей жизни. В кабинете что-то случилось с батареями отопления, и от вечного дрожания и напряжения у меня болели ребра. В квартире батареи тоже едва теплились, и вдобавок продувались окна. В особенно студеные дни я зазывала к себе Малику. Мы стелили постель на полу, у дальней стены, накрывались двумя мамиными одеялами на овечьей шерсти и, обнявшись, засыпали. Но перед тем как уснуть, долго болтали. Малика немного стеснялась меня, ей нравилось больше слушать возвышенные рассказы о моих влюбленностях, в коих правда легко смешивалась с вымыслом. Со мной она была обычной девушкой семнадцати лет, открытой к веселому общению и жадной до девичьих секретов. Меня удручали склоки Малики с тетей Кабыш, и подмывало спросить об этом. Но вопрос был деликатным, я так и не смогла найти нужного тона и единственно верных слов. Не скрываю, я осуждала ее за грубое отношение к матери, однако где-то в глубине души чувствовала, что за этим кроется некая тайна, неподвластная им самим и уходящая куда-то за пределы существования.

По-настоящему я отогревалась по субботам в совхозной бане. Из парной, где с упоением хлестала себя душистым веником моя опекунша, я выскакивала быстро, не в силах вынести влажного жара. Тетя Кабыш выходила багровая, испуская пары, как огнедышащий змей. Опрокинув на себя пару тазиков ледяной воды, она принималась за меня. Крепко схватив одной рукой за плечо, другой начинала с силой водить по всему моему телу намыленной мочалкой. «Вот так, вот так, – приговаривала тетя Кабыш при этом, – зря не попарилась веником, вес-

холод из тебя бы вышел!» Но об этом не могло быть и речи, мне казалось, вместе с холодом из меня вылетит сама душа.

Потом мы, размякшие и воздушные, сидели на моей кухне и долго тянули чай с вишневым вареньем. «Знаешь, – как-то сказала помолодевшая тетушка, которой теперь больше шло мелодичное имя Хабиба, – правда, мы с тобой живем душа в душу?» Получив мой утвердительный ответ, она грустно вздохнула: «Жалко, что ты не моя дочка». Наши отношения были еще одной тайной, но я не ломал над ней голову. Во мне жило чувство, что мы знакомы с этой большой уютной женщиной с самого творения мира. И это было не просто знакомство. Это было совершенное созвучие двух душ, когда другой человек становится тебе настолько родным и близким, что общение с ним превращается в нечто очень естественное, сродни дыханию или утолению жажды.

Несмотря на наши банные дни, я все же схватила простуду и неделю провалялась в постели. По приказу тети Кабыш я на это время поселилась у нее в комнате. Дело в том, что у них с мужем не было общей спальни. На мой удивленный вопрос она махнула рукой: «Мы уже не в том возрасте, чтобы кувыркатся по ночам. Да и вообще, у мусульман муж с женой должны спать отдельно. И я считаю, что это очень мудро!»

В один из дней марта, когда зима нехотя уступила свои права весне, мы с тетей Кабыш поехали в райцентр за продуктами. На автовокзале, в ожидании своего автобуса, повстречали Гульнару. Она, как всегда, была с иголки одета и красиво причесана. Вокруг нее облачком стоял аромат духов, а лицо победоносно сияло, словно она выиграла конкурс международного значения. После обычной болтовни о том о сем экономичка вдруг произнесла с томной улыбкой:

– Я приглашаю вас на свою свадьбу.

– Замуж выходишь?! Молодец! – похвалила тетя Кабыш и выразительно посмотрела на меня.

Мне же не терпелось узнать, кто жених.

– Твой коллега, – сказала Гульнара с той же улыбкой, слегка щурясь. – Ербол.

– Ктоо?! – я не верила своим ушам. – Батыров?!

– Ну да. А что такое?

– Да он же... он же дурак! – воскликнула я, потрясенная близорукостью девушки в выборе претендента на ее холеную ручку.

Тетя Кабыш выкатила глаза и больно ущипнула меня за руку выше локтя. Я вскрикнула, но продолжала с искренним сожалением:

– Он не достоин тебя, Гульнара! Вот увидишь, вы долго не проживете вместе.

Густая краска залила лицо девушки, словно она получила незаслуженную пощечину.

– Не слушай ее! – вмешалась моя опекушка. – Болтает что попало! Поздравляю тебя! Обязательно будем на свадьбе!

Проговорив все это зычным голосом из прошлого, тетя Кабыш схватила меня за руку и потащила к автобусу.

Всю дорогу до самого села она ругала меня на чем свет стоит.

– Ох и дура ты, девка! Надо ж додуматься: невесте перед свадьбой такое ляпнуть! Какое ты имеешь право?

– Имею! – упрямо твердила я. – Вот увидите, они разведутся.

– Типун тебе на язык! Я пожила на белом свете и больше тебя в жизни разбираюсь. Если хочешь знать, лучшего мужа Гульнаре не найти: спокойный, покладистый. Она его приберет под каблучок, и будут жить припеваючи, помяни мое слово!

Жизнь показала, что права была моя славная тетушка. А мне с моими завышенными требованиями к женихам пришлось еще долго перемалываться в жерновах судьбы, пока я не поняла, что принцев на белых конях, к тому же эрудированных даже в сказках не встретишь. Надо отдать должное Гульнаре, она не обиделась на меня. Говорят, не способны обижаться либо блаженные, либо счастливые. В ее случае, скорее, второе.

Март был уже на исходе. Весна крепчала, заявляя об этом солнечными днями и молодой, напористой зеленой листвой. В один из таких дней приглашенный на свадьбу коллектив преподавателей, с подобающим предстоящему событию веселым шумом, расположился в техникумовском ПАЗике. Мы с тетей Кабыш устроились на переднем сидении, за перегородкой водителя. Долго ждали математика Берика Асанбаева. Наконец он появился, и автобус тронулся.

Свадьбу Батыров играл в родном селе в другом районе, куда путь предстоял неблизкий. Асанбаев, пошатываясь, искал глазами себе место. Его позвали с последнего ряда, но он вдруг посмотрел в нашу сторону, пододвинул одноногий табурет, стоявший рядом с водителем, и уселся прямо перед нами. Математик был пьян. «Берик, у тебя что, жена уже родила?», – осведомилась благообразная бухгалтерша с соседнего сидения. В ответ Асанбаев лишь качнул головой. Его глаза, выглядывающие из-под густого чуба, были направлены ко мне. Он некоторое время смотрел на меня, жадно впитывая каждую черточку лица. Мне стало не по себе, и я переглянулась с тетей Кабыш, ища у нее защиты. Но та была озадачена не меньше меня.

– Ну, здравствуй, – сказал Асанбаев тем глубоким голосом, каким говорят люди в самые сокровенные минуты жизни. Он вдруг протянул руку и дотронулся до моих волос.

Я изо всех сил вжалась в спинку сидения.

– Не бойся, – произнес он ласково и вздохнул. – Ты – хорошая девушка. Только тебе не стоит так красить ногти, – и он перевел взгляд на мои руки. – Видишь ли, это же молодые ребята, им по пятнадцать лет. Ты поднимаешь к доске линейку, чтоб начертить линию, но они смотрят не на эту линию, а на твои накрашенные ногти. – Асанбаев по-отечески улыбнулся. – И ты не понимаешь после этого, почему они не усваивают урока.

– Правильно! – вставила моя опекунша и торжествующе взглянула на меня. – Я тоже ей это говорила.

Но Асанбаев даже ухом не повел в ее сторону. Создавалось впечатление, что сейчас для него никого, кроме меня, в этом мире не существовало.

Мерно стрекотавший мотором автобус вдруг дважды чихнул и остановился.

– Что случилось? – затревожились пассажиры.

– Пойду посмотреть, – спокойно ответил водитель и вылез из автобуса.

Некоторые мужчины вышли покурить. Но математик не шелохнулся.

– Я знаю, ты – птичка залетная. Тебе здесь не место. Улетишь, улетишь!

– Берик, иди сюда! Хватит девушке голову морочить! – крикнул кто-то сзади.

Но женщины зашикали на него. Еще бы! Прямо здесь, перед ними, разворачивался настоящий спектакль с одним актером на животрепещущую тему всех времен. Но самое пикантное заключалось в том, что этот актер был не кто иной, как их коллега с репутацией серьезного человека и примерного семьянина.

– Но тогда зачем ты сюда прилетела? – продолжал Асанбаев, склонив голову набок. – Не знаешь?

Я мотнула головой. Взгляд математика из-под нависшего чуба и его странные слова действовали на меня гипнотически. Исчезло чувство реальности происходящего.

– А-а! А я знаю! – сказал Асанбаев. – Ты приехала для того, чтобы вот тут, – он положил руку на свою грудь, – чтобы вот тут у меня застучало. И я вспомнил, как весной в горах пахнут тюльпаны. Знаешь, такие огромные тюльпаны в горах цветут?

– Кандалаки.

– Точно! Кандалаки. Какое красивое название! – улыбнулся математик и снова вздохнул. – Знаешь, когда я понял, что влюбился в тебя?

Кто-то справа ахнул, по рядам прошла волна шепота. Щеки мои запылали. Тетя Кабыш сжала мне руку.

– Когда ты позвала меня пожаловаться на моих пацанов. Ах, какая ты была сердитая! И беспомощная! И красивая! И я сказал себе: всё, Асанбаев, ты пропал! – он вздохнул и провел ладонями по лицу. – Извини, я немного выпил.

– Нет, старик, ты много выпил! – раздался с задних рядов все тот же голос. – Кончай, идем сюда!

На него опять шикнули. Воздух в автобусе был такой густой от женского возбуждения, что с трудом проходил в легкие. Заглянул шофер и бросил ободряюще:

– Еще минут двадцать, – и поедem.

Но сидевшие в оцепенении пассажиры не обратили на него никакого внимания. Пожалуй, они даже забыли о том, что тут делают и куда едут. И только неугомонный товарищ Асанбаева подал голос:

– Давай, брат, закругляйся уже!

Математик тряхнул головой и продолжал:

– Потом я сказал себе: «Асанбаев, возьми себя в руки! Забудь о ней!» И ты знаешь, вначале мне это удалось. Да... Я старался избегать тебя, и все шло хорошо... Но однажды я нечаянно встретил тебя в коридоре. Ты шла мне навстречу какая-то неземная. Лицо твое светилось изнутри, губы улыбались. И это была совсем другая девушка. Добрая, светлая. И еще более красивая, – математик прерывисто вздохнул. – И тогда я сдался... Сначала я искал встреч с тобой. А когда ты заболела, прямо сходил с ума, так хотел тебя видеть! Однажды даже поднялся к тебе на четвертый этаж... Но у меня не хватило духу постучаться в дверь... – математик качнул головой. – Да, я понимаю, что это наваждение. Но оно так прекрасно! Черт побери, да, я чувствую вину перед своей старушкой. Но так трудно понять, в чем эта вина! Ты понимаешь?

Я честно покачала головой. Все происходило как во сне. Какая-то моя часть, которая отвечает за логику и здравый смысл, хотела закрыть уши и спастись бегством. А другая, открытая всем проявлениям жизни, желала жадно впитывать каждое слово этого человека.

Тут автобус наконец тронулся с места. На повороте машину накренило. Чтобы удержать равновесие, Асанбаеву пришлось опереться на колено моей опекуниши. Та закусила губу и, выкатив глаза, повела ими на руку математика на своем колене. Это было так комично, что я невольно прыснула. Моя улыбка отразилась на лице Асанбаева, но в следующий миг глаза его подернулись печалью.

– Зря ты сюда приехала, – вздохнул он горестно. – Вот жил я себе со своей старушкой, дочку растил, не сегодня-завтра у меня родится сын. А, может, опять девочка... А тут ты появилась. И всё! Пропал Берик Асанбаев!

Математик опять провел ладонями по лицу.

– Вот сидишь, наверное, и думаешь, чего этот дядька пристал ко мне? – улыбнулся он с грустью. – Ты – хорошая девушка. И вот что я еще скажу: тебе не надо учить ребят. Ты создана для чего-то другого. А вот для чего, я не знаю. Но жизнь покажет. Уезжай отсюда!

Асанбаев опять дотронулся до моих волос и легким движением погладил их. В этом жесте было столько нежности, какой я никогда не знала прежде от других мужчин. Почему-то в памяти вспыхнули строки из стихотворения Ирины Снеговой: «О Господи, все женщины мечтают, чтоб их любили так, как ты меня. Об этом в книгах девочки читают, старухи плачут, греясь у огня».

Потом математик поднялся и ушел назад, к заждавшемуся коллеге.

К месту мы приехали поздним вечером, но на свадебный пир все равно не опоздали. Ибо, как известно, в аулах торжества начинаются только после вечерней дойки коров и других дел по хозяйству.

Свадьба проходила в крытом брезентом дворе обычного сельского дома. От запаха бензина и долгой дороги у меня разыгралась мигрень, поэтому я смутно помню ее подробности.

Асанбаева среди нас не было. Он вышел вместе с другими мужчинами на одной из остановок на перекур и – пропал. Как позже выяснилось, математик подался отсыпаться в отчий дом, в свое родное село, которое раскинулось вдоль трассы.

Как принято говорить в таких случаях, наутро я проснулась знаменитой. В техникуме преподаватели с особым интересом оглядывали меня, а женщины перешептывались за моей спиной.

Через пару дней я встретила Гульнару. После нескольких слов о свадьбе она вдруг прищурилась и погрозила мне пальцем:

– Слушай, говорят, что ты свела с ума Берика!

– Да нет, ничего такого, – смутилась я. – Он ведь был выпивший.

Гульнара приподняла брови:

– Не скажи. Он мой родственник, и я хорошо знаю его. Берик редко пьет и никогда не пьянеет... А в смысле всяких романтических дел он всегда был крепким орешком, – она откинула назад свою пышную голову и оглядела меня с ног до головы. – Ну, что ж, поздравляю!

На другой день директор вызвал меня и сообщил, что я, как молодой специалист, направляюсь в Усть-Каменогорск на стажировку. Стоит ли говорить о том, что новость несказанно обрадовала меня? Открывалась дивная возможность вырваться из опостылевших стен техникума на волю. И потом я надеялась на чудо: встретить там Старшекурсника, и это, пожалуй, было важнее всего остального...

Из Усть-Каменогорска я вернулась отдохнувшая от моих недорослей, еще раз вкусив прелестей студенческой жизни на берегах Иртыша и Ульбы. Увы, Старшекурсника я не встретила. Своенравная судьба не позволила нашей встрече случиться. И с ее стороны это было скорее милостью, чем жестокостью, поскольку, как выяснилось позже, тот уже обзавелся семьей.

Тетя Кабыш на радостях устроила праздничный ужин с пловом.

– Ой, девочка моя, знала б ты, как я скучала по тебе! – сказала она с чувством.

Когда я сообщила ей о своем решении покинуть их и вернуться в город, моя опекунша ревниво воскликнула:

– Тебя не отпускают! Ишь чего вздумала! Отрабатывать три года заставят. Вот увидишь!

На этот раз чутье подвело ее.

Несколько дней спустя я положила перед директором заявление об увольнении. Не знаю, чего было больше в моем поступке: отчаянной смелости или безоглядной дерзости. После того как техникум оплатил трехмесячную стажировку, чтобы получить в моем лице преподавателя с высокой квалификацией, эта моя выходка, разумеется, выходила за все рамки приличия.

Директор минуты три смотрел на мое заявление, как на опасного инопланетного зверя. Потом тяжело вздохнул, быстро подписал и молча отодвинул от себя листок, даже не удостоив меня взглядом. Вряд ли этот умный и благородный человек мог поступить иначе.

Как бы там ни было, теперь я была свободна и готова к любым испытаниям, которые ждали меня в будущем. Ведь именно ради этой свободы я поступилась совестью. К тому же в моем сознании отпечатались слова Асанбаева: «Тебе не надо учить ребят. Уезжай отсюда!»

Самого математика я увидела перед отъездом, да и то издали. Он шел своей легкой походкой, словно готовый в любую минуту взлететь на коня и скакать во весь опор. Асанбаев повернул ко мне голову. Я не видела лица мужчины, но ясно почувствовала теплый луч, исходящий от его прощального взгляда.

Прошло много лет, прежде чем я устроила свою семейную жизнь, в которой, помимо моей мамы, так мечтала славная тетя Кабыш. Моего мужа звали Берик. Это было имя Асанбаева. Что тут такого, скажете вы, обычное совпадение. Возможно. Но мне хочется думать, что Берик Асанбаев, в сердце которого я когда-то возродила воспоминание о горных тюльпанах, передал мне свое имя, как талисман.

